

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ВРЕМЯ РОКИРОВОК

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1034

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 **Время рокировок: Фантастический роман.** — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 377 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2331-6

Люди уже немного разобрались с тем, что такое мир «Ковчега», а это значит, что теперь начнется привычная человеческая забава: кто-то будет сразу агрессивно карабкаться вверх, к власти, а кто-то будет на это смотреть, выжидая подходящий момент для того, чтобы нанести удар своему противнику. А еще есть те, кто всегда готов половить рыбку в мутной воде, и, разумеется, не без выгоды для себя. Просто в этом мире наступило такое время — время рокировок.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2331-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— А река стала еще шире, — заметил Джебе, сидящий на носу лодки. — Причем значительно.

— Чем ближе к тому месту, где река впадает в море, тем она полноводнее, — лениво ответил ему Голд, подставивший лицо солнцу. — Это не я придумал, это законы природы. Мир тут вывихнутый, но законы природы — те же.

— Жалко, что людские законы другие, — подала голос Милена, сидящая в соседней лодке.

— Даже смерть ее не изменила, — усмехнулась Настя, она была в одной лодке со мной. — Как была пацифисткой, так ею и осталась, стреляй в нее, не стреляй. Вот что за человек?

Милене, естественно, уже было известно и то, откуда мы все ее знаем, и то, как она погибла. Только про Окуня мы ей рассказывать ничего не стали — зачем? Лишнее это.

И, следует заметить, что она одобрила все свои действия, даже те, которые привели ее к смерти, чем вызвала у Насти неподдельный хохот, да и не у нее одной. «Волчата» за последнее время порядком заматерели, и сами мысли о том, что можно посочувствовать врагу или попробовать решить вопрос миром с тем, кто наставил на тебя оружие, были им непонятны.

Меня же больше всего опечалило подтверждение моей догадки о том, что вместе с памятью о прожитом и набранными характеристиками при смерти человека теряются и приобретенные магические умения. Одним магом у нас стало меньше, и это плохо.

Впрочем, в одном месте убывает, в другом прибывает. Да, Милена больше не была магом, но на ее место пришли сразу три новых чародея. Конечно, чародеи — это сказано громко и вообще не слишком хорошо отражает суть вновь прибывших, но я это слово услышал от Викентия, который очень быстро

стал в группе своим, обретя братскую поддержку в лице Профа и Германа, и оно мне понравилось. «Маг» — слово хорошее, но больно заезженное. А вот «чародей» — звучит красиво.

Откуда эти трое взялись? Я их получил в дар от Салеха, правда, этот подарок не слишком легко мне достался. Впрочем, тут особый разговор, тут надо быть последовательным.

Начать следует с того, что я не слишком ожидал увидеть Салеха в условленном месте встречи. Пять степняков с хитрыми глазами — это да, это предполагалось, но сам Салех? То, что те, кого он в нашу прошлую встречу называл преступниками и негодяями, на него же и работают, не вызывало у меня никаких сомнений, но то, что он сам даст мне понять их взаимосвязь, меня удивило.

— Здравствуй, брат мой! — Салех раскинул руки и обнял меня, изображая всем своим видом, как он мне рад.

Я решил соответствовать и сделал то же самое, добавив:

— Как и не расставались.

Его подручные подбросили в костерок дров и водрузили на заранее вкопанные в землю рогульки вертел с насаженным на него небольшим оленем. Или лосем, я в животных не разбираюсь, особенно в тех, которые уже освежеваны. Так-то хоть по рогам разобрать можно, а когда это просто освежеванная туша — поди пойми. Разве что потом, по вкусу.

— Не ждал тебя здесь увидеть, — решил я сразу взять быка за рога.

Может, в том, что Салех здесь, есть какой-то подвох? Может, он у своего повелителя в опалу попал и сейчас у меня политическое убежище попросит? В этом случае ему не повезло, завалю я его прямо здесь и сейчас — мне конфликты с каганом не нужны, по крайней мере по столь незначительному поводу.

— Я подумал: нам долго скакать по степи вместе, — возвышенно ответил мне Салех, предлагая присесть на изрядно потертую кошму в стороне от всех, так, чтобы нас никто не мог услышать. — Как я мог не прийти? Тем более ты все равно уже понял, что именно я поставляю тебе нужных людей.

— Как не понять. — Я с удовольствием сел и вытянул ноги. — Салех, давай без этих твоих витиеватостей, мы целый день по степи топали. Кабы скакали, как ты сказал, а то ведь все на своих двоих.

— Да, лошадей нет, и это очень, очень печалит нас всех, — покивал Салех. — Все есть — сайгаки, сурки, змеи, даже вон, газель сегодня подстрелили, а лошадей нет.

И очень хорошо, что нет. Если эта дикая орда еще и средства передвижения получит, то нам точно труба настанет. Или придется перебираться на тот берег реки жить, подальше от этой компании.

Да, о том берегу. Мы все-таки нашли захоронку сектантов, она была в лесу, километрах в двух от поляны. Ничего особенного, впрочем, там не оказалось, я так и не понял, чем они расплачивались с кочевниками. Или просто они им все ценное, что было, уже отдали?

Наиболее интересным из того, что мы там обнаружили, было десять автоматов, причем я таких и не видел никогда — длинный и тонкий ствол, барабанный магазин, ручка хвата под стволом и скошенный вниз приклад. Будь здесь Оружейник, может, он и определил бы, что это за диво такое, но увы.

Хотя одно мне очень понравилось — магазин аж на сто патронов. Но это был единственный плюс, к тому же патроны к этому автомату оказались нестандартные, и запас их, обнаруженный в этом же тайнике, был крайне незначителен.

Неудивительно, что сектанты предпочитали ходить с тем оружием, что они у нас во время ночного налета забрали.

Еще в тайнике нашлось немало белой ткани, десятков пистолетов разных систем, изрядных размеров ящик с железяками и деталями, вроде микросхем, и куча другого разномастного хлама. Особенно меня поразили женские джинсы с пестрым рисунком на правой штанине. Как они сюда попали? Каким образом?

А, чуть не забыл. Там обнаружился ноутбук, именно так назывались допотопные переносные компьютеры. Этот был громоздкий и, естественно, неработающий. То есть, может, и работающий, но, чтобы проверить, нужно было подключить его к сети, а ни ее, ни каких-нибудь проводов у нас не было.

Впрочем, среди наших умников он произвел фурор, они вокруг него только что хоровод не водили. А как по мне — бесполезнейшая вещь. Кабы он работал — тогда разговор нет, может, и был бы от него какой прок, а так... Кусок пластмассы — и все.

Это с моей точки зрения. А наша троица непризнанных гениев только что не стонала, осознав, что расспросить о происхождении этого чуда техники некого, и чуть ли не обвинила

нас в бесосновательной жестокости. Мол, всех-то зачем было убивать?

Но в целом улов был неплох. И вообще мы хорошее дело сделали, такой гнойник выдавили, да еще и без потерь с нашей стороны. Одно плохо — их духовный лидер таки ушел, что меня печалило. А Голда, когда он вернулся из похода на поляну, и вовсе откровенно взбесило.

Нет-нет, он не предъявлял нам претензий вроде: «Почему меня не подождали, обещали же», — он трезво оценил ситуацию и признал, что выбора у нас не было. Он даже потрепал по голове Аллочку, чем неслабо ее перепугал, раньше она от него ничего подобного не видела. Вот только понятно было, что у него внутри сейчас все клокочет.

Уже вечером он зашел ко мне и сказал:

— Плохо.

— Что именно? — уточнил я.

— Эта тварь не угомонится, — пояснил мне Голд. — Главарь просто начнет все сначала, только далеко отсюда, и действовать станет с большей предусмотрительностью. Это же как сорняк — стебель сорвал, но если корень не выкорчевал, то все твои труды насмарку. Прости за словесные штампы.

— Мы сделали все, — немного виновато сказал я. — Но он очень ловок был.

— Понятное дело, — невесело хохотнул Голд. — Ладно, есть в том, что вы его не достали, и позитивный момент.

— Какой? — не понял я.

— Он будет нам мстить, а значит, придет сюда. — Консильери улыбнулся так, что у меня мороз по коже пробежал. — Тут-то я его и убью. Не сразу, понятное дело.

То, что он его убьет, — это ладно. Мне не понравились слова о том, что этот повелитель Великого Речного Зверя нам мстить будет, да еще и сюда придет.

Впрочем, все было не так уж и плохо. Частично с мыслью о пропущенном веселье моего консильери примирило то, что он еще недели две после этого из снайперки отстреливал оставшихся сектантов, которые проплывали мимо нас по реке на легких лодочках вроде долбленок и небольших плотках, не зная о том, что оплот их веры разрушен. На утесе весь день торчал кто-нибудь из нашей мелкоты и, завидев плавсредство с людьми в белых балахонах, тут же бежал внутрь крепости, громко крича:

— Дядька Голд, дядька Голд! Плывут!

Голд после этого радостно улыбался, подхватывал снайперку, шел на утес, а дальше все было просто и незамысловато. Это дело даже приносило нам прибыль — пару лодочек шустрые «волчата» успели поймать до того, как течение их унесло.

Надо заметить, что малыши следили за рекой очень бдительно, время от времени подменяя друг друга. Маленькие-маленькие, а то, что их друзей чуть не пустили под нож, они поняли, и каждый из них затаил на злых дядек в белом острый молочный зуб.

Плюс пару раз вечерней порой в компании нескольких «волчат» Голд сплавал непосредственно на поляну, проверить, не проскочил ли кто-то мимо нас под покровом ночи, но никого там не обнаружил, кроме двух десятков ничего не помнящих людей, которые начали ее потихоньку снова обживать. Джебе, которого я отправил с консьери, потом мне рассказал, что Голд посмотрел на них из кустов, задумчиво пошелкал предохранителем на автомате, но делать ничего не стал. Что это бывшие сектанты, сомнений не оставалось, но убивать их было вроде как и не за что. По крайней мере пока.

Но и к себе мы их приглашать не стали. Хоть и лишились они памяти, но какая-то брезгливость по отношению к этим людям осталась, как и в случаях с теми, кто когда-то покинул нашу крепость. Ну да, смерть стерла все, что было, но нутро-то прежнее, его не переделаешь. Если есть в человеке гнильца, то рано или поздно она себя проявит, причем непременно в самый ненужный момент. И наоборот — если есть в человеке стержень, то он и после смерти, которая стирает все, останется. Вот Флай — и до гибели своей был боец, и после воскрешения им остался. Да, он отстал от тех, с кем когда-то начинал, но впахивал как проклятый, набирая уровни и знания, и снова вернулся в строй. А эти... Они уже один раз пошли по пути наименьшего сопротивления и, без сомнения, снова на него встанут.

Да, чуть не забыл. Поход, из-за которого Голд пропустил одно мероприятие, закончился более чем благополучно. Мало того что они с Наемником вывезли все найденное нами имущество, так по дороге еще и три десятка душ по лесам насобирали и привели в крепость. Впрочем, вру. Не все имущество они вывезли, оставили бочки с горючкой. Как они ни прикидывали, через лес их тащить было хоть и возможно, но крайне проблематично, а потому Голд принял решение, что

отныне это — наш надежно спрятанный стратегический запас удаленного характера. Жалко, но тут ничего не поделаешь. Не на все можно наложить лапу, по крайней мере вот так сразу. Зато все остальное было доставлено в крепость — и оружие, и остаток снарядов, и даже вся начинка из автобуса, включая стекла.

Так что вроде жизнь становилась совсем неплохой, можно даже сказать — сбалансированной, но если у кочевников появятся кони, то балансу этому хана наступит непременно. Вот только появлению их мы не могли помешать никак, и если по степи забегают табуны лошадок, то обострения конфликта интересов не избежать.

Но зато можно было наладить хорошие отношения с кем-то, кто приближен к высшей власти в каганате. В своих планах я делал большую ставку на Салеха, и если мои предположения о том, что он вышел у кагана из фавора, верны, то это очень-очень плохо.

— Да, может, кони еще появятся, — ободрил я своего собеседника, мысленно скрестив пальцы. — Сам же знаешь, жизнь непредсказуема.

— Истинно так, — покивал Салех. — Истинно. Вот простой пример — пять дней назад мы повезли партию товара нашим постоянным покупателям с того берега реки. Пришли в назначенное место, а там никого. День прождали — никого. Тогда несколько наших воинов отправились к ним, на тот берег, чтобы сообщить, что договоренности надо выполнять. И что же они там увидели?

— Ну-ну, — заинтересованно поторопил его я.

— Ничего, — развел руками Салех. — Вместо большой обшины, что там некогда была, там теперь живут какие-то люди, которые только-только вышли из леса и про нас даже не слышали. А покупателей и след простыл.

— Так бывает, — заверил его я. — Лик этой земли меняется ежедневно, такое и на «том свете» случалось. Что племена — народы мигрировали, переселялись, меняли ареал обитания. Это жизнь. Мало ли почему кто-то откуда-то уходит?

— Это да, — не стал со мной спорить Салех. — Но немного походив по округе, мои воины, надо заметить — отличные следопыты, нашли в кустах вокруг поляны немало гильз, причем еще пахнувших порохом, то есть отстрелянных недавно. А кое-кто из охотников за рабами рассказал, что не так давно

слышал стрельбу на том берегу реки. Скажи мне, брат мой, ты знаешь что-нибудь об этом?

Ах ты, хитрюшка. Не то чтобы ты загнал меня в угол, я тебе ничего не должен и обещаний о том, что мы не будем трогать сектантов, я тебе не давал. Хотя и его можно понять: сделка расстроилась, а каганат потерял стабильного торгового партнера. Вопрос — на кого вешать убытки?

Но и врать не стоит, это было бы совершенно неверным ходом. Все он знает, все он понял и сейчас решает, работать ему дальше со мной или нет. А может, и о том думает, чтобы сдать меня кагану, выставив главным противником Предвечной степи.

— Скажи мне, Салех, — неторопливо спросил у него я, — то место, куда ходили твои воины, — это поляна изрядных размеров на повороте реки? Где еще отмель есть, и на ней стоит что-то вроде помоста?

— Именно так, — кивнул мой собеседник, не сводя своих глаз с моего лица.

— С тамошними жителями разделились мы, — не стал тянуть я. — И у нас был повод для того, чтобы это сделать. Они украли из моего лагеря детей и собирались их убить. Причем не просто убить, а сделать это в процессе ритуала поклонения какому-то чуду-юду. Сам ритуал мне безразличен, но это мои люди, пусть и маленькие пока. К тому же в ту ночь, когда сектанты их украли, в перестрелке они положили еще троих моих бойцов и одну женщину. Такое не прощается.

Про то, что на самом деле перестрелки не было и сектанты абсолютно беспрепятственно вошли в крепость и вышли из нее, я говорить, естественно, не стал. Ни к чему это — так позориться, тем более в глазах этого человека.

— Не знал. — В глазах Салеха появилась сдержанная печаль, и, будь я чуть подоверчивее, я бы ему даже поверил. — Мне жаль твоих людей, Сват. Но пойми и нас — мы несем убытки. Эти, в белых балахонах, были хорошими покупателями и платили достойно. Теперь их нет — и что нам делать? Кому сбывать товар? А ведь его надо кормить, поить — это тоже расходы.

— Салех, брат мой, мое сердце плачет, слыша эти слова. — Я приложил руки к груди. — Но я не понимаю, при чем здесь твои убытки и моя месть за обиду? Скажем так, если бы тебе кто-то нанес такое оскорбление, если бы кто-то пришел в твой дом и убил твоих людей, то разве тебя остановил бы от

мести тот факт, что, возможно, этот наглец работает со мной? Если честно?

— Конечно нет, — улыбнулся Салех. — Но потом я, скорее всего, сделал бы тебе какой-нибудь подарок, чтобы между нами не осталось разногласий.

— Вот все-таки вы, восточные люди, тоньше понимаете ситуацию, — заметил я вполне искренне. — Не то что мы, люди Запада.

— Это все условности, — пожал плечами Салех и сменил тон с витиевато-шахерезадного на обычный деловой. — Восток, Запад... Скажу тебе так, Сват: каган не знает, что бойня на том берегу реки — это твоих рук дело.

— И не узнает? — сразу же спросил я.

— Зависит от нас. — Салех выделил интонацией «нас». Мол, не «тебя», нет-нет. Но если «ты» и «я» не станем «нами», то все возможно. — Если мы пойдем друг друга, то...

— Прости за банальность, но умные люди всегда смогут договориться, — не стал медлить с ответом я.

Не скажу, будто меня очень пугала перспектива того, что каган узнает о нашей мести. В конце концов, сектанты были самостоятельной группой, степнякам они не приходились ни рабами, ни вассалами, и какие-либо претензии по их уничтожению нам выставлять не имело смысла. Формально — да, так и было. А в действительности этот каган мог устроить что угодно, от мелких диверсий до полномасштабной войны, которая мне пока была совершенно не нужна. Насколько я понял, он у них мужик крутой, и до того, что о нем другие думают, ему дела нет.

— Банально, но верно, — кивнул Салех. — Знаешь, может показаться забавным, но я тебе верю. В принципе нас ничего не связывает, кроме одной сделки и двух встреч, но при этом я ощущаю между нами некую связь. Нет-нет, не в плотском смысле этого слова, я люблю женщин и, видит Аллах, не признаю отношений между мужчинами, по крайней мере тех, которые неуютны небесам. Это связь другого свойства. Я точно знаю, что если мы — ты и я — объединимся, то можем добиться очень многого, особенно в этом мире, который только-только встает на ноги.

— Двое всегда лучше, чем один, — осторожно заметил я. — Вот только что по этому поводу скажет каган? Формально ведь ты служишь ему. Ты же понимаешь, о чем я?

— Каган силен и мудр, — политкорректно ответил мне Салех. — Но только не всегда сила и мудрость достаются тем, кто может ими распорядиться достойно. В последнее время то, что он делает, не всегда находит отклик в душах преданных ему людей. Он слишком отдалился от нас, слишком уверовал в то, что его величие безгранично, забыл о том, что его величие находится на кончиках стрел его воинов, а не в его шатре.

— Зазнался, короче, — подытожил я.

— Ну да, — кивнул Салех. — Причем безмерно. Я подобное и на *старой Земле* видел. Сначала у лидера начинается магия величия, за этим следует череда безумных решений и поступков и, как следствие, крах всего и вся. Кстати, где-то посередине этого цикла лидер всегда убирает тех, кто был с ним с самого начала, подозревая их в желании занять его место.

— Зачастую эти подозрения небеспочвенны, — заметил я.

— Зачастую это не желание сесть повыше, а элементарный инстинкт самосохранения, — возразил мне Салех. — Если лидер безумен, то смерть людей его ближнего круга — только вопрос времени.

— Скажи, что конкретно ты хочешь от меня?

Смысл его слов был мне понятен. Вот только какой реакции он ждет? Кстати, это могла быть и ловушка, так сказать, проверка на вшивость.

— Если ситуация сложится так, что я попрошу у тебя помощи, ты не откажешь мне? — Салех понизил голос почти до шепота. — Военной помощи, Сват, а не доброго слова или совета. Хотя и от них я никогда не откажусь.

— Я тоже рад тому, что наши дороги пресеклись тогда, в степи, — неторопливо произнес я. — И да, я думаю, это произошло не случайно, поскольку есть у наших душ что-то родственное. А родственники должны помогать друг другу. Но вот только вопрос: что я должен буду сказать своим людям? Ведь это не их война. У вас, в степи, все проще: если слово сказано, то тем, кому оно предназначалось, думать над ним не надо, надо идти и выполнять приказ. У меня все по-другому. Мое слово — последнее, но только по праву старшинства, а я — первый среди равных. Мои люди должны знать, за что они будут убивать и умирать. В чем будет интерес моей семьи?

— Военный и политический союз, — помолчав, ответил Салех. — Тот, кто займет место кагана, будет всегда лоялен к твоей семье. Твои враги будут его врагами, твои беды — его бедами. Ну и определенные торговые предпочтения я тоже мо-

гу гарантировать, это само собой. Скажем так, ты всегда получишь то, что тебе нужно, и если твои интересы пересекутся с интересами других покупателей, то они услышат «нет», а не ты.

Неплохо. Жаль, что это все нельзя зафиксировать в виде договора. Слова — это только слова. Хотя и бумага в этом мире не имеет никакого веса. Ну, нарушил ты подписанный договор — и что? Судов здесь нет, Гааги — тоже, а мировое сообщество в большинстве своем думает о том, как бы поесть лишний раз и переночевать хоть одну ночь в тепле, а не под деревом.

— Салех, если это место займешь ты, то я буду думать. Если не ты, то ничего вообще обещать не стану, — напрямик заявил я, приняв для себя решение. — И еще — кроме тебя о том, что я вошел в это дело, никто знать не должен.

Ну, последнее он мне точно пообещает, но вот станет ли соблюдать... В любом случае, тут с ходу решать нельзя, тут с народом надо кумекать. Само собой, не со всеми сразу, а буквально с несколькими людьми.

— Да, это место я хочу оставить за собой, — помолчав, ответил Салех.

— Я не стану тебе прямо сейчас говорить «да», но отвечу так: сделаю все, чтобы моя семья поддержала тебя, — протянул я ему руку. — Через неделю здесь же, на этом месте, я скажу тебе решение своей семьи. Такая постановка вопроса тебя устроит?

— Более чем. — Салех сжал мою ладонь. — Куда больше, чем если бы ты прямо сейчас пообещал мне свою всестороннюю поддержку. Я не верю людям, которые клянутся в верности сиюминутно, поскольку они и предают так же быстро. Это я усвоил еще в той жизни, и усвоил хорошо. Только давай так — не через неделю, а через три. Я не смогу на следующей неделе быть здесь, у меня есть кое-какие дела.

— Тогда и детали — при встрече, — предложил ему я. — Лишние знания — вещь такая, опасная.

— А я бы ничего тебе и не сказал, — засмеялся Салех, подавая какой-то знак своим людям. — Ладно, давай покушаем. Все уже едят, понимаешь, а мы с тобой разговоры разговариваем.

Перед нами поставили деревянное блюдо с исходящими паром кусками жареного мяса.

— Уф. — Салех насадил один из них на нож. — Все здесь хорошо, но специй нет. Только чеснок нашли, понимаешь. За куркуму и жгучий перец полжизни бы отдал.

Кабы знать и специи захватить, как бы эффективно получилось. Мы же тогда в бункере их нашли, и в изрядном количестве. Не обеднели бы, подари я Салеху пакетик-другой.

Ладно, в следующий раз ему их принесу. Это будет красиво.

— Мм. — Я отхватил зубами ломоть сочного мяса. — Вкусная зверушка.

— Газель, — повторил Салех с набитым ртом. — Самка, молодая совсем, потому вкусная. Самцы куда жестче.

Не знаю, я самцов газелей не пробовал до этого, ни тут, ни там. Хотя и самок тоже не пробовал. Вкусно — и ладно, а уж кто это был при жизни, мне не слишком интересно.

И еще раз я пожалел о том, что не был в курсе гастрономических пристрастий Салеха после ужина, когда он вытер жирные пальцы о халат и снова махнул рукой, что-то приказывая своим людям.

— У меня есть для тебя подарок, — важно сообщил он мне. — Я не знаю, какое ты примешь решение, но у моего народа принято одаривать своих друзей просто за то, что они есть и готовы тебя выслушать.

К нам подвели трех человек — двух женщин и одного мужчину. Выглядели они неприглядно — замученные, с осунувшимися лицами и совершенно голые.

— Это тебе, брат мой, — ткнул в них пальцем Салех. — Они те, кого ты искал.

— Эмм? — непонимающе глянул я на него.

— Они умеют делать магию, — пояснил кочевник, поморщившись. — Еле спас их от смерти, слушай. Эти рабы глупые совсем, всем про свои новые таланты рассказывали. А у нас с такими дело просто обстоит.

О как! Я окинул взглядом напрягшихся людей, которые, похоже, уже не верили в то, что изменения в их судьбе могут привести к лучшему, и ничего хорошего от меня явно не ожидали.

— Салех... — Я не знал, как спросить у кочевника о том, сколько я ему должен.

— Если ты скажешь хоть слово об оплате, я очень обижусь, — заявил Салех, который все понял верно. — Сильно и надолго. Они подарок, за них не надо платить. И на твое ре-

шение подарок влиять не должен, это ясно? Это просто тебе от меня приятная неожиданность.

— И неожиданность, и приятная, — признал я. — Знаешь, у меня внутри сейчас как в детстве — и светло, и немного неловко, но очень душевно.

— Это хорошо. — Салех усмехнулся. — Значит, не совсем ты еще закостенел. Хотя, по нашей жизни, это ненадолго. И не скрипи ты так мозгами, что мне в ответ подарить, ничего не надо выдумывать. Подарок — он на то и подарок, чтобы быть внезапным и не требовать ответного жеста.

Я смущенно улыбнулся — и в самом деле, я прикидывал, что у нас с собой такого есть, что было бы не стыдно подарить кочевнику.

— Ладно, а теперь за дело. — Салех потер руки. — Кроме этих бездельников я привел сюда еще шесть мастеров и принес тысячу с лишним листков, ну, тех, что нам от мертвых достаются, ты вроде про них говорил в прошлый раз. Вот теперь пришло время торговаться, и, видит небо, я это буду делать с удовольствием!

Хитрый кочевник — он знал, что теперь всерьез торговаться не буду я, и, несомненно, накрутил цены настолько, что три подаренных мне чародея полностью окупились. Ну, может, не полностью, но полцены он отбил, это точно.

Но и я внакладе не оказался — листочки из Сводов нам достались неплохие, и даже очень. Нет, процентов на восемьдесят пять, если не больше, там оказалась более чем посредственная информация, естественно, на мой дилетантский взгляд, — описания растений и животных, причесок и орнаментов на старинных вазах, а также иная бессмыслица. Но среди этого хлама попались рецепты зелий и порошков, отрывки из магических книг, куча географических данных, которые для меня в последнее время представляли большой интерес, а самое главное — нам перепало три золотых листочка с отрывками серьезных магических рецептов. Профу я их показывать пока не стал, скопировав их только Насте. Ни к чему давать подобной информации разлетаться в разные стороны, знаю я наше светило науки. Я ему отдам эти рецепты, он их передаст Герману, а то еще и Викентию, причем абсолютно без задней мысли, просто чтобы было с кем об этом деле по-дискутировать. Люди науки — они как дети, не сказать хуже, не понимают, что такое закрытая информация, для чего она нужна и сколько стоит.

А еще я собирался на всем этом нагреть руки, поскольку не соврал нам в свое время Ривкин — листочки из Сводов и впрямь высоко ценились в Новом Вавилоне. Точнее, частично не соврал. Цены он понизил безбожно, если не сказать по-другому. Хотя не обманешь — не заработаешь, так что претензий к нему ноль. Тем более слово свое он сдержал — поддержку нашему Льву Антоновичу в городе оказал. Небескорыстно, понятное дело, но оказал.

Все это и многое другое нам рассказал Щур, тот самый шустрый волчонок, которого я отправил с нашим торговым представительством в качестве курьера. И свою миссию он выполнил добросовестно, добравшись обратно в крепость из города с максимальной скоростью, за какие-то четыре дня.

А еще через пару дней две лодки и плот, груженные разными вещами, отчалили от берега, сопровождаемые пожеланиями скорейшего возвращения и маханием платками вслед. Мы держали путь в сторону Нового Вавилона.

ГЛАВА 2

Особых споров по поводу того, кому и на чем плыть, не было. Ну, почти не было. Марика, узнав, что ее кандидатура даже не рассматривалась, крайне возмутилась и пообещала в случае отказа преследовать нас, подплывать под днища лодок и тыкать в них острыми колющими предметами.

Подобные угрозы меня не слишком пугали, но, поразмыслив, оставлять ее в крепости я не захотел, с нее стало бы прихватить винтовку и отправиться в степь на охоту, причем на двуногую дичь. Она всегда отличалась отменной злопамятностью, потому степнякам в этом случае ничего хорошего не светило, а у меня с ними мир и перспективы возможного сотрудничества. После второй встречи с Салехом я запретил ей об этом даже думать, и она вроде как согласилась пока не мстить, но в случае моего длительного отсутствия это обещание могло быть и нарушено. Мол, о чем Стас не узнает, то ему не повредит.

И вообще, в отличие от Жеки, который был безмятежно счастлив, ежедневно наблюдая объект своего многолетнего обожания, я ее появлению в последнее время не слишком-то и радовался. Нет, Марика хорошая, надежная, много чего знает и умеет, но я для нее не командир. Вот не командир ни

разу. Я для нее не Сват, а Стас, давний друг, собутыльник, боевой товарищ — в общем, кто угодно, но только не лидер. То есть просьбы мои выполнять можно, но, если очень хочется, на них можно и забыть. Ибо мы же друзья, какие обиды и недопонимания, в случае чего?

А мне этого не надо. Здесь не Земля, не академия и не бар «Хвост ящерицы». Все вышеперечисленное распалось на атомы, стало воспоминаниями, которые с каждым днем все больше и больше блекнут, заслоняемые новыми впечатлениями. Это другой мир, и в нем действуют другие правила. И я в нем становлюсь другим, вот какая штука.

Но она даже не задумывается об этом, при попытках что-то объяснить отшучивается или смеется, приговаривая: «Стас, что за глупости?» В результате мне проще держать ее при себе, чем что-то объяснять. Да еще и Жека лоб морщит, того и гляди заподозрит меня в том, что я решил за ней приударить. Дурацкая ситуация, если не сказать хуже.

В свете всего этого мне все чаще в голову приходит мысль о том, что лучше бы мы ее вовсе не находили. И, грешно признавать, но в случае, если ее шальную голову найдет не менее шальная пуля, я плакать точно не стану.

Правда, это ничего не изменит, верный рыцарь Жека, ломая зеленые насаждения, тут же кинется за ней, дабы отыскать и спасти. Да и куда она уйдет дальше леса или степи?

Хотя, по слухам, если возродиться в лесу и отправиться не в сторону степи, как по какой-то причине делают все, а в противоположную, то сначала там будут о-го-го какие по протяженности и опасности болота, а за ними снова начнется лесистая местность, перемежаемая лугами с зеленой травой и озерами, полными рыбы. Эдакая земля обетованная для тех, кто ее найдет. Кстати, где-то там, на границе предполагаемых болот и гипотетической лесной местности с озерами и мягкой травой-муравой, находится бункер номер три, последний из тех, которые отмечены на карте. Если когда-нибудь у нас будет много свободного времени и мы отправимся туда, то непременно проверим, правдивы эти слухи или же нет. Может, просто не выживают те, кто в ту сторону ходит, вот и нет достоверной информации.

Но, как по мне, все это сказки, народный фольклор, который не мог не возникнуть. Когда ты живешь в мире, полном риска и опасностей, то непременно мечтаешь о месте, где все тихо и спокойно, такова суть человеческая.

Я даже догадываюсь, кто эти байки придумывает. Это наверняка Проф забавляется, начитавшись макулатуры, которой я ему накидал после встречи с Салехом. Ох и радовался он этим листкам из Сводов! Как ребенок, честное слово. Не понимал, умник, что теперь ему вообще никогда из крепости не выйти за ворота, что он теперь — сейф на ножках. Я даже отдал Наемнику приказ: если все будет совсем плохо и речь пойдет о захвате крепости противником, не приведи господь, конечно, прикрепить к Профу отдельного «волчонка», который будет отвечать за его безопасность и спасение. Этот же человек, в случае совсем уже патовой ситуации, должен уничтожить Германа и Викентия как носителей информации, которая не должна попасть к потенциальному противнику. Троих спасти сложнее, чем одного, а делиться с кем-либо таким объемом знаний, который мы уже накопили, я не собираюсь. Это товар, причем стратегический.

И конечно же Проф на меня в очередной раз обиделся, когда узнал, что его в Новый Вавилон не берут. Я же говорю: как ребенок. Может, все ученые в возрасте такими становятся?

А вообще команда сформирована была очень быстро. В первую лодку, на которой шел я, попали Азиз со своей «деткой», Джебе, Настя, Флай, Амиго, Шур, гордо называющий себя то проводником, то лоцманом, и Голд. Ах да, еще Франческа, Фрэн, которая все-таки вышла из леса на костерок Флая и видеть которую я был очень рад. Как выяснилось, она знает аж двенадцать языков и потому присоединилась к нам в качестве универсального переводчика. На второй, замыкающей лодке шли Ювелир за старшего, Марика, Милена и еще трое «волков» как резервная ударная сила. А в середине конвоя был плот с грузом и экипажем в составе Павлика, которого я после определенных раздумий поставил рулевым, двух «волков» и трех «волчат». И еще Одессита. Подумав немного, я прихватил его с собой. Во-первых, он хоть и излишне экспрессивен, зато наблюдателен, во-вторых, знает три языка, а в-третьих, пусть на глазах будет, так мне спокойней. Забыл про Фиру. Она тоже была на плоту. В последний момент она все-таки вошла в состав конвоя, ее тяга к новым впечатлениям не давала ей сидеть на месте. Вот я ее на плот и определил, мачтовым. Хочешь новых впечатлений — получай.

Да, на этот плот мы установили мачту с парусом, благо материи у нас теперь было если не в недостатке, то приемлемое количество. По крайней мере на парус для одного плота

хватило. А что? Скорость увеличилась, да и обратно против течения при попутном ветре идти будет проще. Расстояние — о-го-го!

Эх, кабы нам пару моторов... Горючка есть, а вот с моторами беда.

Но это ладно.

Жека и Наемник остались в Сватбурге, руководить, охранять и наблюдать. Плюс Наемнику я вручил кожаный фирман, который некогда дал мне Салех. Если я не вернусь в течение ближайших двух с половиной недель (а так оно и будет, я в этом уверен, ибо просто по времени не успею обернуться), он должен наведаться к путевому колодцу, показать фирман упомянутому Салеху, объяснить, что я прийти не смог, и сказать два слова: «Я согласен».

Не хотелось мне никого посвящать в эти дела, но и пропускать подобную встречу никак нельзя. Пятой точкой чувю — этот союз мне много пользы принесет, по крайней мере до тех пор, пока наши интересы будут совпадать. Через Салеха ко мне будут поступать чародеи, мастера и информация из Сводов. А если он возглавит каганат, то все станет совсем неплохо. Хотя в этом случае главное не упустить тот момент, когда наше союзничество перестанет быть для него выгодным.

Но это — дела будущие, а в настоящем мы плывем по Большой реке, глазеем по сторонам и (чего скрывать) с нетерпением ждем, когда покажутся стены и башни Нового Вавилона.

Щур, описывая город, всегда говорил одно и то же:

— Здоровенный — у-у-у!

И махал руками, показывая, насколько здоровенный.

Несомненно, что он видел дома и повыше — в целях экономии места для застройки еще на «том свете» века с двадцатого возведение небоскребов стало нормой. Но где «тот свет»? Нигде. А здесь мы уже привыкли к огромным пустым пространствам и отсутствию строений выше одного этажа. Тем более огромных городских стен из каменных глыб Щур, родившийся и проживший двадцать лет до момента переноса в Тамбове, до этого явно не видел.

— У-у-у! — орал, махая руками, он еще во время первого разговора, который происходил в моем домике. — Стены такие здоровые! По ним люди ночью ходят, прикиньте? С факелами!

— Ночная стража, — заметил Голд, по традиции сидевший в уголке. — Значит, охрана есть, и она худо-бедно функционирует. То есть минимальный порядок наличествует.

— Еще бы! — Щур азартно сопел. — Там все строго. Ну, не то чтобы все-все, но порядок есть, это факт. Торговать просто так тебе никто не даст, это Антоныч сразу выяснил. Рынок огромный, его сразу не обойдешь, но лоток на нем фиг поставишь. А уж эту... как ее... лавку — и подавно! Нет разрешения Совета Восьмерых, даже и не думай!

— Вот с этого места поподробней, — сразу подобрался я. — Что за Совет Восьмерых и с чем его едят?

— Нет, — насупился Щур. — Не скажу. Антоныч не велел. Точнее, наоборот. Велел не говорить.

— Не поняла? — удивилась Настя. — Это как? Говори, говорю.

— Нет, — опустил глаза в пол Щур. — Антоныч сказал так: «Если ты им расскажешь все, что видел и слышал, то они выработают стратегию, но она будет необъективна, так как ты и сейчас знаешь меньше, чем я, и базироваться на твоих теперешних знаниях глупо. А когда они придут сюда, я буду знать еще больше. Зачем мне рушить уже сложившиеся у них стереотипы и в очередной раз ломать с кем-то копыя?» Я два раза попросил его эту фразу повторить, чтобы запомнить.

— Вот старый еврей! — повертел головой Наемник.

— По сути, он прав, — заметила Марика, которая тоже присутствовала при этом разговоре. Ее припер с собой Жека, вызвав недовольство Голда и Насти.

Кстати, Настя и мой консильеры вроде поладили сначала, только вот ненадолго. Но открытой вражды не было, они просто не общались друг с другом — и все.

— Поясни, — попросил ее я, желая проверить, совпадет моя догадка с ее или нет. Раньше всегда совпадали, все-таки учителя у нас с ней были одни и те же.

— У него уже есть план. — Марика положила ногу на ногу. — И ему проще доказать его действенность, если мы будем опираться на его данные, чем на те, которые получены нами ранее. Вопрос в другом: точно ли его план выгоден нам? Насколько мы верим этому человеку?

— Мы — верим. — Настя не смотрела на собеседницу. — А твое мнение не является решающим.

— Це-це-це! — как-то по-восточному сказал Голд и помахал указательным пальцем. — Верим — не верим, это дело та-

кое... Не торопись с выводами. Но в целом логика Льва Антоновича ясна, тут я с Марикой согласен. И даже предлагаю не мучить дальше по этому поводу Щура. Нет, если мы захотим, то он все нам расскажет...

Щур ухмыльнулся, видимо думая, что Голд шутит. Вот интересно, что сделал Оружейник, раз этот парень так держит свое слово? Ведь перед ним — вся верхушка семьи, он должен соловьем петь.

— Смешной ты. Наивный, — улыбнулся и консьюльери, а следом за этим гаркнул: — Азиз!

— Э? — В дверь всунулась голова моего телохранителя.

— У тебя давно женщины не было? — строго спросил у него Голд.

Голова повращала глазами, как бы говоря: «Ну, так».

— Смотри какой, — показал пальцем на Щура консьюльери.

Голова окинула парня взглядом и облизнула толстенные губы широким как лопата языком.

— Это! — Щур принялся тревожно перебирать ногами, будто собираясь куда-то бежать. Он знал, что Азиз не по этой части, но кто его, черта черного, разберет. — Так нельзя.

— А ты говоришь — не расскажешь, — добродушно попеял ему Голд. — Все, Азиз, не смущай мальчонку.

Зимбабвиец ухмыльнулся, подмигнул окончательно струхнувшему Щуру и покинул дверной проем.

— На самом деле это неправильно, — продолжил Голд, не обращая внимания на наши смешки. — Не знать точно, куда едем и что там есть, — это ошибка. Но...

— Ну, Антоныч! — Щур даже головой помотал. — Он и сказал мне, что вы именно так рассуждать будете. И велел мне рассказывать все, кроме информации о Совете Восьмерых и его планов на них. Хотя о планах я особо ничего и не знаю, он меня в них не слишком посвящал. И Эмиссара — тоже.

— Я же говорю: еврей. — Наемник хлопнул ладонью о ладонь. — Ни слова в простоте.

— Ни два ни полтора, — поддержал его Жека.

Мои предположения совпали и с мнением Марики, и с мыслями остальных, хотя окончательные логические выкладки Оружейника все равно остались для меня загадкой — мы и так прокачаем ситуацию до стадии принятия каких-то решений.

— Ладно. — Я хлопнул ладонью по столу. — Поведай нам о том, о чем можно.

Щур рассказывал долго и с удовольствием. Как видно, здорово ему в этом Новом Вавилоне понравилось.

Кстати, название возникло не на ровном месте. Это был истинный Вавилон. Не в смысле постройки башни до неба, а из-за смешения рас и языков.

Как стало нам понятно из рассказов «волчонка», там население было еще более пестрым и интернациональным, чем у нас. С той, правда, разницей, что у нас народ как-то сплотился, исходя из того, что нет ни эллина, ни иудея, а там такого не произошло, вследствие чего жители расселились по национальному признаку, основав восемь общин (их еще называли кварталами, концами, секторами или районами, кто как хочет).

При упоминании числа «восемь» народ запереглядывался — вот тебе и весь секрет. Понятно теперь, что там за совет такой.

Открытой вражды между жителями не было; арабы из мусульманского квартала не задирались с евреями, которые свою общину основывать не стали, расселившись кто куда; китайцы и корейцы мирно проживали в азиатском квартале бок о бок; а русские, которых там тоже было немало, и не думали лезть в драку с американцами, несмотря на то, что последние века два на *той Земле* любви между ними не наблюдались.

Никто ни с кем не враждовал, но при этом и сближаться не стремился. Каждая община преследовала личные цели и осваивала свои пути развития в этом мире. Кто-то сосредоточился на торговле — скупке товаров у людей, живущих рядом с городом, и продаже добытого добра на рынке, другие занялись рекой (этим промышляли американцы, Ривкин был из их общины), третьи исследовали новую землю в поисках ресурсов и товаров. Иногда зоны интересов пересекались, но пока удавалось обходиться без серьезных конфликтов.

Впрочем, со слов Щура, в дальнейшем мирное сосуществование этих людей наш Оружейник не верил, поскольку проскользнула фраза, которая явно не принадлежала рассказчику: «Все это здорово, пока есть что делить и продавать. А как ресурс выработают, как до точки кипения дойдет, тут веселье и начнется».

А ресурс был. Город, как и рассказывал когда-то Ривкин, достался жителям не пустым, а с начинкой в виде оружия, припасов и много чего еще. Это нам перепали дырявые стены, пустые дома да старый меч титанических размеров, а там всего было если не с избытком, то в достатке точно. Ресурсы поделили еще в начале заселения, тогда же были установлены правила общежития и даже первичные законы взаимного существования. Причем они соблюдались до сих пор, по крайней мере формально.

И снова за Щуром замаячила тень Оружейника. «Формально» — это его слово. Стало быть, с виду все чинно и благородно, а изнанка может оказаться какой угодно. Я глянул на Голда и понял, что он думает так же.

Окончательно мне стало понятно, что имел в виду Оружейник, говоря о точке кипения, когда Щур упомянул, что народонаселение города прирастает стремительно. Люди прибывают постоянно — кто-то натывается на него случайно, бродя по лесам и горам, кто-то узнает про него от бродячих торговцев и, как выразился Щур, изыскателей. А кто-то прибывает туда в качестве раба, и таких немало.

— О как, — проникся я. — Так у них там рабовладение узаконено?

— С недавнего времени — да, — подтвердил Щур. — Нет, жителей города и его окрестностей в рабство и сейчас нельзя... эм... обратить. Ну, если только человек сам того не хочет. И то — только из своей общины, из чужой нельзя. А вот если человек не местный, если его как товар привезли, то запросто. И купить можно, и продать.

Ну, вот и ясно, что за изыскатели такие там у них есть, и одна из отраслей доходного бизнеса прояснилась. Как оказалось, там еще много занятных бизнес-течений было. «Халифат», например, владел «Ареной» — огромных размеров сооружением типа Колизея, где ежедневно проводились бои. Крови в этом мире нет и смерти конечной — тоже, но удовольствие от созерцания убийства себе подобных никто не отменял, правда?

Нашлось место и для не менее доходного любовного бизнеса, и для торговли наркотиками.

Тут Щур осекся и виновато посмотрел на нас.

— Чего замолчал, родной? — спросила у него Марика.

— Это с Антонычем вам надо говорить, — пробормотал наш разведчик.

— Понятно. — Голд улыбнулся, как кот перед блюдом со сметаной. — Стало быть, нашел он к кому-то тропинку. Ладно, шут с тобой, не будем на этом останавливаться. Вещай дальше.

Но дальше пошли мелкие детали, поскольку все главное уже прозвучало. А еще Оружейник требовал не затягивать с визитом в Новый Вавилон, ибо дело надо делать, время — деньги. Точнее, если перефразировать, время — товар, всеобщего эквивалента еще не появилось, потому процветал примитивный товарообмен. Но это до поры до времени, надо думать, пока золото где-нибудь не найдут или камни самоцветные.

Еще он просил привезти весь запас дури, все листки Свода, которые есть, горючку и то оружие, которое не жалко пустить на продажу. И обязательно табак! Непременно!

Отдельно он просил отметить, что продукты питания везти не надо, этого добра тут хватает, но если уже есть мед, то он будет очень кстати.

— Со жратвой там проблем пока нет! — махал руками Шур. — Там за стенами города такие поля уже народ распал — что ты! Да, я тут семян привез.

Он захлопал руками по карманам, пытаясь что-то найти.

— Тут морковь, репа, свекла, — бормотал он. — У них там все это растет, Антоныч в первый же день купил.

— И молчит, — укоризненно покачал головой я. — Да тебя наши за эти семена расцелуют. Не потерял?

— Вот! — Шур торжественно показал нам несколько свертков, извлеченных из кармана, упаковкой служили какие-то листья, причем не высохшие и не потерявшие эластичность. — Все на месте. Тут, правда, немного, но Антоныч сказал, что сколько смог, столько и купил.

— Потом Дарье передашь, — велел ему я. — Порадуешь ее.

— Это... — Шур посерьезнел. — Антоныч просил не тянуть с прибытием.

— Ты это уже говорил, — заметила Марика. — Повторяешься.

— Мне велели несколько раз это сказать — я и говорю. — Шур понятия не имел, кто эта девица с короткими волосами, а потому никакого уважения к ней не испытывал. Хотя, даже будь он в курсе, ничего бы для него не изменилось. — Антоныч знает, что делает.

Надо заметить, что уровень уважения к Оружейнику у Шура был очень высок. Видать, всерьез развернулся наш Лев Антонович в этом самом Новом Вавилоне.

— Тогда и тянуть не будем, — хлопнул в ладоши я. — Все, парень, можешь идти к Дарье, потом загляни к Фрау, перекуси. А мы поговорим о том, кто плывет, кто остается и что берем с собой.

Ну а затем определили состав группы, загрузили на плот товар и, по недавней традиции, приложили руку к новым воротам, которые Рэнди смастерил из более-менее уцелевших листов обшивки монитора (он отказался от идеи его восстановления, а потому с энтузиазмом стал снимать со старой посуды все, что можно и нельзя).

А еще у меня вышел короткий разговор с Голдом.

— Их там уже почти два десятка, — хлопнул ладонью мой советник по янтарному боку тюрьмы.

Это верно, список погруженных в сон подросток. К Окуню и любителям поиздеваться над ближними своими, некогда проживавшими в соседнем лесу, добавилось еще несколько слишком бойких молодых людей, прибившихся к нам недавно и почему-то решивших, что если нагрянуть к девушкам ночью, то им это понравится. Девушкам это не понравилось. Молодых людей долго били, а после засунули на месяц в январь. Как по мне, эта воспитательная мера была более чем сомнительна, они там все равно ничего не осознают, для них этот месяц пролетит как секунда, но спорить с общественностью я не стал. Хотят так — пусть будет так, мне не жалко. Не убивать же этих обалдуев? Но дорогу наверх они себе закрыли намертво, в ряды «волчат» им уже не попасть.

И еще там, в янтаре, было несколько человек из тех рабов, что нам продал Салех. Убивать я их тоже не захотел, а просто отпустить их на волю... Ни к чему это. Да и им самим это не было нужно. В голове у них что-то перемкнуло, они стали совсем рабами. То есть свободными они себя не ощущали. Я предложил им выход из положения в виде гуманной смерти, они отказались. Все бы ничего, каждый живет так, как хочет, но они еще и проповедовать начали, что, мол, этот мир дал им возможность искупить грехи бывшей жизни, что в подчинении слабого сильному есть высшая мудрость, и все такое.

Ну и что с ними было делать? Вот мы их в янтаре и засунули.

— Балласт, — продолжил Голд, глядя на очертания людей в желтом нутре тюрьмы.

— Ну да. — Я поправил ремень автомата. — Заканчивай фразу. Ты же хотел сказать еще: «товар»?

— Пока нет, — отрицательно покачал головой он. — Не думай обо мне настолько плохо. Но в перспективе... Тюрьма не резиновая, согласишься? И все равно с этими людьми что-то надо будет делать. Ладно еще Окунь, с ним все ясно, он нам уже как родной. Опять же — живой тренажер для «волчат». А остальные?

Не знаю, не знаю, пока мне о подобном как-то не думается. Оружие, наркотики — это ладно, дело есть дело. Но работорговля... Не наше это. Не мое. И потом, каждый из тех, кто в тюрьме, что-то про нас знает, что-то видел, а значит, что-то сможет рассказать. Легче уж тогда пойти на поляну и там бывших сектантов повязать, тем более их и не жалко. Вот только не лежит у меня душа к такому заработку, как какой-то барьер, преодолев который ты под гору начнешь катиться, да так, что не остановишься уже. Не нужно это нам. У каждого — свой путь, этот не наш.

Хотя тут тоже все небесспорно. Нет, торговать людьми мы не будем, это не обсуждается, но вот что произойдет, когда (и если) наладятся постоянное транспортное сообщение и торговые связи с Новым Вавилоном? Ведь тот же Лев Антонович немедленно начнет мне выносить мозг, убеждая в том, что можно оказывать услуги по перевозке, сопровождению и охране товара деловитым степнякам, имея с этого свой процент. А процент — те же мастера или чародеи, товар дефицитный и крайне полезный. И как тогда быть? Перевозка рабов не сильно отличается от торговли ими же. И те же англичане в восемнадцатом веке перевозчиков вешали не менее ретиво, чем продавцов. Да и дело это не менее грязное, чем сама торговля, чего уж тут.

Ладно, дойдет до этого, тогда и думать станем. Кстати, о чародеях. По их количеству мы отстаем, и здорово. Щур сказал, что магия в Новом Вавилоне очень в чести, даже несколько магических орденов и братств уже сформировалось, и если на рынок рабов попадает человек с магическими умениями, то цена на него порой взлетает до небес. Там прямо аукционы проводят. Он сам видел, как за паренька, способного вызывать ма-а-аленький снежный смерчик, продавцу отдали два

ящика гранат, две винтовки с оптикой, да еще сверху накинули троечку короткоствольных автоматов с боеприпасом.

А мы в этой части безнадежно отстаем. Да вот, я давеча привел троих таких умельцев — один может под водой без воздуха пять минут находиться; вторая каменный стержень изпод земли вытаскивает в том месте, где захочет, коротенький, но очень острый; а третья из ничего маленькую змейку создает, причем ядовитую. Правда, ненадолго. Понятное дело, начни они это дело прокачивать, и камень длиннее станет, и змея в размерах увеличится. Но только надо, чтобы они этим занялись, чтобы развивались, а этого и нет.

И виноват в этом я и никто другой. Вот что я сделал для того, чтобы процесс раскачки начался? Да ничего! Привел их, отдал Профу, сказал, чтобы тот их разместил, да и все, потом я про них просто забыл, поскольку других дел полно. Про тех, что были раньше, я вообще молчу.

Нет, так дело не пойдет, тем более время еще не упущено. После того как узнал про городские порядки, я поставил Профу и его умникам задачу — задействовать все ресурсы и заняться развитием талантов имеющихся у нас чародеев. Всех, включая Николь, как бы она ни сопротивлялась. И вообще — возражения не слушать, жалости не проявлять, если что, привлекать для разъяснительной работы Наемника и Дарью. Они хоть премудростям всяким не обучены, но зато умеют хорошо и внятно объяснить любому, с какой стороны на бутерброде масло лежит. В качестве стимула я пообещал нашим умникам привезти с городского рынка разных ингредиентов для зелий, которые можно было изготовить по рецептам, найденным в Сводах. Ну, при условии, что они там будут продаваться и не сильно дорого стоят. Это, собственно, немного примирило Профа с тем, что он с нами не едет.

Про само путешествие рассказывать особо нечего — я обзрел практически однообразный пейзаж с борта своей флагманской лодки, кстати, найденной после ночной резни у сектантов. Не лодка — загляденье. Все тот же «Зодиак», но эта красавица была вместительней, чем наши старые лодки, да еще и со специально обозначенными на бортах местами, откуда при необходимости бойцы могли вести огонь более прицельно и, если можно так сказать, комфортно. Да еще со щитком, который защищал мотор от случайного в него попадания. Кабы у нас был мотор, то ему бы точно ничего не угрожало, жаль только, что у нас его нет.

Впрочем, сейчас и нам ничего не угрожало, и, как сказал Щур, в прошлый раз тоже обошлось практически без эксцессов. Только раз ночью их отряд попробовали ограбить какие-то гаврики, проплывавшие мимо, но их в четыре автомата просто покрошили в капусту. И еще на третий день, на повороте реки (да, серьезный поворот, мы потом его заценили), когда лодки и плоты были близко к берегу, некие полуголые люди в немалом количестве собрались до них добраться вплавь с недвусмысленными намерениями. Тут тоже все закончилось благополучно — флегматичный Тор пристрелил троих рейдеров одной очередью и громко пообещал кинуть гранату. Разбойники были хоть и дикие, но не совсем уж дураки, а потому отказались от своих планов.

На нашу долю и того не выпало. Хотя, я так думаю, дело было исключительно в том, что народ, который жил по берегам реки и, несомненно, подрабатывал разбоем, уже научился отделять «хочу» от «могу». Когда сплавляется вооруженная толпа, какой смысл что-то затевать? Даже если удача улыбнется, потери все немалые, не окупающие доходность предприятия. А если кто из нас выживет да мстить придет?

А Щур везучий. Вот его запросто могли прихлопнуть, в одиночку же плыл. Но обошлось, видно, любит его судьба.

Путешествие ничем, кроме постоянных пикировок Насти, Милены и Марики, мне толком и не запомнилось. Впрочем, еще я заметил одну интересную вещь где-то на четвертый день пути, когда полноводное русло реки сузилось до такой степени, что оба берега были видны отчетливо. Как раз там я на обоих берегах и заприметил то, что меня заинтересовало. А если говорить конкретнее — дорогу, которая вызвала у меня какие-то смутные ассоциации и почему-то навевала воспоминания об Италии.

— Надо же, — сказал Голд, вертя головой. — Как есть римская дорога.

Вот почему я Италию вспомнил. Точно, римская дорога — широкая, мощеная, построенная добротнo и на века. Нам когда-то ее гид показывал и подробно о ней рассказывал.

Откуда она здесь? И куда ведет?

Ответа на этот вопрос мне, понятное дело, никто дать не мог.

А на шестой день, ближе к полудню, Щур заорал, показывая на какие-то руины на берегу:

— Вон, вон, смотрите, развалины! Значит, почти на месте!

Ради правды, приближение города ощущалось по окружающему пейзажу. Деревья вдоль берегов прорежены, лодочки по протокам снуют, пару раз даже какие-то соломенные крыши глазастая Фрэн замечала. Словом, цивилизация дает о себе знать.

А Щур был прав: минут через десять мы миновали небольшой поворот и сразу же увидели Новый Вавилон, после чего поняли восторги нашего разведчика — зрелище действительно впечатляло. Мощные стены, несколько куполов и шпилей, возвышающихся над ними, люди, которые входили и выходили в огромные ворота, режущие глаз нестерпимым блеском золота.

— Принимай правее, — заорал Щур. — Правь вон туда! Приставать будем не здесь, а прямо в городе!

Это была новость, про это он раньше ничего не говорил. Но я молча кивнул Азизу, сидящему на веслах, и подал идущим за нами знак: «Делай, как я».

В городе — значит, в городе.

ГЛАВА 3

«Вон туда» оказалось небольшим то ли рукавом, то ли притоком Большой реки. Нешироким, но достаточным для того, чтобы там разошлись не только несколько лодок, но и полноценные суда. Он поворачивал к городу и, судя по всему, протекал прямо через него.

— Там ворота, — пояснил мне Щур. — Река течет прямо через город, там тоже есть пристань.

— Тоже? — уточнил Голд, поправляя кепи.

— Вторая пристань там. — «Волчонок» махнул рукой в сторону основного русла реки. — Она для всех, здоровенная такая. А та, что в городе, — для своих. Ну, не совсем для своих, а для тех, кому разрешил Совет. Нам разрешил, Антоныч договорился. Тут дело и в престиже, и в том, что не своруют ничего. На общей пристани разное бывает, а в городе — нет.

Мы приближались к... даже не знаю — входу или, прости господи, вплыву в город, который, как и стены, внушал немалое уважение. Это был огромный проем с зубчатыми верхними краями. Добавляли впечатления и две огромные цепи, верхняя часть которых скрывалась в проеме, а нижняя уходила под воду. И каждое звено этих цепей было размером с две

моих головы. Судя по всему, цепи крепились к воротам, сейчас лежащим на дне речном, а ночью закрывавшим доступ в город.

Интересно, а ворота в этом мире ржавеют или нет? И еще — глянуть бы на процесс их подъема, интересно ведь!

Но и это было не все — прямо за зубчатой аркой, в стенах, с обеих сторон находились бойницы, в которых виднелись стволы крупнокалиберных пулеметов. Я насчитал шесть и не сомневаюсь, что это не вся огневая мощь входа в город. Не завидую тем, кто попробует прорваться здесь, даже шесть таких стволов — это немалая сила.

Течение, после того как мы миновали створки, почти не чувствовалось, потому Азиз было взялся за весла.

— Стой ты! — шикнул на него Щур. — Сначала нас проверят.

— Кто? — немедленно рявкнул мужской голос, причем явно чем-то усиленный. — Куда?

— Туда, — помахал рукой Щур, достал из-за пазухи какую-то штуку на кожаном шнурке и поднял ее над головой. — По именному разрешению владельца Рувима!

— Покажи-ка, — скрипнула дверь в стене, которую вот так сразу было и не заметить, на узкий парапет шагнул человек в камуфлированной форме. — Давай сюда. И сразу — вы кто такие? Разрешение разрешением, а порядок должен быть.

— Представители семьи Свата, — опередил меня Голд. — Живем в пяти днях пути отсюда.

— Семьи? — Привратник рассмотрел то, что отдал ему Щур. Я, кстати, тоже — это был кругляш с цифрой пять в центре, на вид вроде как бронзовый. Еще я дал себе зарок как следует надрать «волчонку» уши за скрытность. Почему не рассказал, почему не показал?

— Чем это название хуже другого? — вступил я в разговор. — У нас тесные отношения в коллективе.

— Свальный грех? — заинтересовался привратник.

— Общность интересов, — подала голос Марика. — Если кого-то из наших обидят, то мы ведем себя как одна семья и мстим за него все вместе.

— Звучит серьезно. — Человек в камуфляже окинул взглядом наши лодки, снаряжение, оружие, видимо, принял какое-то решение, вернул Щуру пропуск, если его можно было называть так, козырнул. — Добро пожаловать в Новый Вавилон, двигайтесь вперед, а там все сами увидите. После того как

причалите, в город не выходите до тех пор, пока не пройдете инструктаж у представителя администрации.

Заплескала вода под лопастями весел. Мы двигались в тени высоченных стен, поневоле проникаясь уважением к тем, кто когда-то это строил (точнее, написал программу), и тем, кто это все прибрал к рукам. К последним почтения было побольше. Захапать такую махину — это сильно. Попади я сюда, а не в лес — не факт, что наложил бы на этот город лапу. Что на город — даже на его самую маленькую улицу.

— Впечатляет? — немного тщеславно спросил Щур, так, как будто он сам это строил.

— Есть такое, — подтвердил Голд, переворачивая кепи козырьком назад. — Чего скрывать.

— Город, — проворчал Азиз, орудуя веслами. — Не люблю. Воздуха нет, неба нет. Не люблю.

— Я тоже как-то от этого всего отвыкла, — подала голос Настя. — Привыкла уже к открытым пространствам и чистому воздуху. А здесь — как в ловушке.

От воды шел немного затхлый запах, который и впрямь был не слишком приятен.

— Нам тут не жить. — Мне, если честно, тоже было немного не по себе — обзора нет, кругом камень да вода. И ощущение, что я сейчас под прицелом, что моя голова и головы моих спутников находятся в перекрестье оптики, приделанной к винтовке. Хотя, может, так оно и было на самом деле.

В какой-то момент этот серый проход из стен кончился, и перед нами открылась широченная и длиннющая набережная со ступенями, сходящими прямо к дощатому причалу. На самой набережной было полно народу, а около причала мы увидели множество самых разных плавсредств — от резиновых лодок вроде наших до вполне серьезных суденышек, напоминающих яхты.

— Кто такие? — недовольно заорал, глядя на нас, крепкий мужичок, обнаженный по пояс, видимо для того, чтобы все увидели его татуировки, которыми был заполнен каждый сантиметр его тела. — К кому, куда, зачем?

— Как много вопросов, — заметила Марика из своей лодки. — Могу тебе еще рассказать, на каком боку я обычно засыпаю.

— Не хотите отвечать — проваливайте, — и не подумал менять модель поведения мужичок. — Двигайтесь прямо и скоро снова попадете к реке. Бывайте!

— Эй! — окликнул его я. — Щур, покажи ему висюльку. Мы тут по личному разрешению владельца... Как его?

— Рувима, — понял меня Щур и помахал бронзовой безделушкой.

— Понятно, — кивнул мужичок и вытянул руку. — За яхтой, вон той, дальней, синего цвета, которая «Фламинго» называется, будет поворот, по нему и двигайтесь до стены. Там стойте и ждите меня, из лодок не вылезать, с плота тоже не сходить. Ясно?

— Предельно, — кивнул я.

— Тогда давайте, давайте, — замахал он рукой. — Чего застыли? Это не дикие места, это Вавилон, тут надо двигаться быстро!

— Я один себя ощущаю маленьким мальчиком из Тульчина, попавшим в очень большой город? — громко поинтересовался Одессит. — Не знаю, как вам, а мне немножко боязно, немножко стыдно за свою провинциальность, но зато очень интересно, чем это кончится. Правда, для маленьких мальчиков из Тульчина в больших городах все кончается, как правило, не очень хорошо, но иногда они ухватывают удачу за усы.

— А как «не очень хорошо»? — спросила у него Фрэн.

— Ну, сначала их лишают девственности, потом — тех денег, что у них есть, потом они становятся директорами фирм и в результате отвечают за то, что с этими фирмами делали дяди, которых эти мальчики никогда даже не видели, — охотно ответил ей Одессит. — Срок ответа обычно составляет от трех до шести лет общего режима. Потом они возвращаются в Тульчин, женятся и с печалью смотрят на то, как их взрослеющие дети собираются покорять большие города.

— Никогда бы не подумала, что такое скажу, но его болтовня как-то даже к месту, — удивленно произнесла Настя.

— Магия большого города, — засмеялся Голд. — Азиз, вон туда. Если не ошибаюсь, это та яхта, про которую нам говорил тот, в партаках.

— В чем? — тут же спросила у него Настя.

— В самом деле? — удивился я. — А мне показалось — просто роспись по телу.

— Да прямо, — фыркнул Ювелир, который слышал наш разговор, расстояние между лодками было не таким уж и большим. — Все верно Голд говорит — воровские у него татуировки, там такой иконостас... Настенька, по телу этого человека можно изучать криминалистику, чего у него там толь-

ко нет. Кстати, именно по этой причине я сомневаюсь, что он в самом деле тот, за кого себя выдает.

— То есть? — Голд даже привстал, видно, заинтересовался.

— Не хочу орать. — Ювелир повертел головой. — Приста-
нем — скажу.

Миновав яхту с надписью «Фламинго», мы повернули в узкую протоку, прошли мимо десятка разномастных лодок с пассажирами и без, после чего буквально уперлись в стену.

— Прибыли, — выдохнул Щур. — Ф-фу!

— А тебе-то чего нервничать? — удивился Одессит. — Ты свою почетную героическую миссию выполнил еще тогда, когда нам от Оружейника благою весть припер.

— Не скажи, — помотал головой Щур. — А сюда вас доставить? Это тоже моя работа.

— Ответственный какой, — прищурился я. — Неспроста. И сразу вопрос...

— Сват, давай по очереди, — потребовал Голд. — Ювелир, так что там с татуировками?

— У него на правом предплечье набит кот в шляпе и с бабочкой, на левом — парусник, а на груди — распятие с пятью молящимися людьми, — тут же ответил тот. — Парусник означает, что он гастролер, мотается по разным городам и не работает там, где живет. Кот в шляпе — символ карманника. Распятие обозначает, что он большой авторитет. Ну ладно, с натяжкой можно согласиться с тем, что карманник может быть гастролером. И даже с тем, что он может быть авторитетом, — пусть. Но бабочка на шее кота?

— А что она означает? — спросила Милена, которая, как и все мы, с интересом слушала Ювелира.

— Это значит, что когда-то он здорово напортачил. — Ювелир, похоже, застеснялся такого внимания к себе. — Что сотрудничал с администрацией исправительного учреждения. Такие люди не могут получить распятие. Проще говоря, он выбирал татуировки покрасивее, вот и все. Кстати, если бы такое увидели воры на *той Земле*, то мало бы ему не показались, такие партаки еще заслужить надо.

— А зачем же он тогда это сделал? — удивленно спросил Амиго.

— Кто его знает. — Ювелир сморкнулся за борт.

— Я так думаю, что он вора собирался отыгрывать, — подала голос Фрэн. — Ну, сначала-то все думали, что здесь будет игра. У меня много приятелей себе разного-всякого прикупи-

ли — и чипы встроенные, и облик оборотня. Вот только с игрой не сложилось, а купленное осталось.

— Ну, чип или когти длинные — это еще ничего, это даже здорово, — отметил Павлик и потрогал свое ухо. — Это им еще повезло. Лучше бы я себе такой иконостас тогда забабахал!

— Какие монументальные у вас познания по этой части, — тактично перевела разговор Фрэн, без малейшей иронии обращаясь к Ювелиру. — Вы, видимо, занимались этой тематикой? Чувствуется серьезная подготовка.

— Занимался, — подтвердил Ювелир, дернув щекой. — Было дело.

Мы с Голдом обменялись многозначительными взглядами, потому как давно догадались, что прошлое этого человека не безоблачно.

А вообще я был удивлен — надо же, как там все четко разложено по полочкам, в уголовном мире. Хотя на «том свете» об этой стороне жизни никогда и не говорили, это считалось дурным тоном. Нет, кое-что я знал. Века идут, а остаются какие-то сообщества, которые не меняются и чтут многовековые традиции. Воровское братство — одно из них, нам по этому поводу даже лекцию в академии читали. Про них и еще про масонов. Но таких деталей не касались, это точно.

Те же, кто побывал в исправительных учреждениях, никогда и ни о чем не рассказывали, таково было одно из условий освобождения из-под стражи.

— Любопытно. — Голд помахал кепкой Ювелиру. — Спасибо. Я потом еще порасспрашиваю тебя на эту тему?

— Можно, — как-то даже смутился тот.

— Теперь мне дозволено потерзать нашего лоцмана? — язвительно спросил я у Голда.

— Извольте, — чинно кивнул тот.

— Ответь мне, лишенец, — мягко, по-отечески поинтересовался я у Щура. — Ты почти мне про знак не рассказал и про боковые протоки — тоже?

— Эмм... — замялся Щур и ткнул пальцем мне за спину. — Вот, это к нам.

Ох и темнит наш лоцман-проводник, что не есть хорошо. Ну да ладно, потом разберемся.

Тем временем к нашим лодкам подошли двое — тот самый татуированный молодчик и еще один человек, одетый чудно, я бы сказал: по средневековой моде. По крайней мере именно в такие одежды были облачены герои сериалов, которые по-

стоянно крутили по телевидению: штаны в обтяжку, остроносые туфли, короткая курточка, а на шее на толстой железной цепи какая-то фигурка болтается.

Смотрелось это очень забавно. Но я улыбаться не стал и еще Настю ногой толкнул — она явно собиралась похихикать, я это сразу понял. Не стоит нарываться вот так, сразу.

— Вот они, — ткнул в нас пальцем татуированный. — Личный допуск владельца Рувима.

— Кто старший? — окинул нас взглядом его спутник.

— Он, — показал на меня Голд, и я, решив не тянуть, вылез из лодки. Ну вот не люблю разговаривать, когда на меня смотрят сверху вниз.

— Сват, — представился я, подходя к этой парочке.

— Грэй, — назвал свое имя средневековый персонаж, но руку протягивать не стал. Я тоже обошелся без этого. Нет ничего глупее, чем тот момент, когда рука, протянутая для приветствия, повисает в воздухе. — Откуда прибыли?

— С верховьев реки, — пожал плечами я. — Точнее не скажу, с ориентирами туго. Могу назвать время в пути.

— Не надо, — отказался Грэй. — Цель приезда?

— Ознакомительная, — незамедлительно ответил я. — Оценить возможный рынок сбыта, закупить необходимые нам вещи. Да и вообще — просто поглядеть на ваш город. Интересно же. Единственный крупный населенный пункт на много километров вокруг. По крайней мере тот, про который нам стало известно.

— Это да, — согласился со мной клерк. — Откуда знакомы с владельцем Рувимом?

Какой интересный вопрос. И взгляд у этого странновато одетого товарища стал каким-то колючим.

— Так вы у него и узнайте, — доброжелательно посоветовал ему я. — При встрече непременно попрошу дать вам исчерпывающую информацию по данному поводу.

А что я еще мог ответить? Я и сам не знал, откуда я знаком с владельцем Рувимом. Больше скажу — я даже не представляю, как он выглядит и что он за человек. Хотя и догадываюсь, откуда здесь ноги растут, тут дураком надо быть, чтобы это не понять.

— Значит, так. — Грэй пропустил мимо ушей мои последние слова. — Слушаем внимательно. Правил поведения в городе не так уж много пока, но они соблюдаются неукоснительно. Первое — убийства себе подобных запрещены. Пол-

ностью. Под «себе подобными» я имею в виду таких же, как мы, людей, попавших сюда, причем не важно, как они выглядят — как люди, как орки или даже как волки, передвигающиеся на задних лапах.

— У, как вы все это конкретизируете, — заметила Фира. — Сказали же — убивать нельзя. Мы же не дураки.

— Это мне неизвестно, — с интересом осмотрел пышные формы еврейки Грэй. — Равно как я не знаю, кто вы по профессии, может, юристы. Но недели три назад один такой, из адвокатов, пристрелил на улице гнома, который ему нахамил. Ради правды, нахамил гном крепко, не настолько, чтобы стрелять, но изрядно. А когда мы его, адвоката, в смысле, за горло взяли, то он заявил, что его предупреждали насчет людей, а про гномов речь не шла. И формально был прав.

— И чем дело кончилось? — уточнил Голд.

— Убийство есть убийство, а судов тут нет и не предвидится, — пожал плечами Грэй. — Утопили мы его, вот в этом самом канале. Чтобы не создавать прецедент. Но это исключение из правил, так-то обычно с убийцами по-другому поступают.

Грэй пару секунд помедлил, видимо дожидаясь вопроса: «А как?» Но мы молчали, и он продолжил:

— Убийц в Новом Вавилоне ждет только одно — «Арена». Они будут выступать в качестве гладиаторов до той поры, пока не погибнут на ее песке или пока сами себя не убьют, такое случается. Права на освобождение или выкуп у них нет.

— А после того как воскреснут, у них какое-то поражение в правах остается? — любознательно поинтересовался Голд.

— Если будет рецидив, то да, — ответил Грэй. — Но это только на словах, по сути, за этим никто особо не следит, компьютеров и идентификаторов тут нет, а так — поди всех запомни. Хотя есть уже несколько типов, которые объявлены в Вавилоне персонами нон-грата за серии убийств. Но это скорее исключение из правил.

— А вот «Арена». — Марика пощелкала пальцами, привлекая внимание Грэя. — Там только гладиаторы рубятся или нет?

— Да тут не только это. — Голд склонил голову к плечу. — Каков подбор бойцов? На «том свете» было все понятно — один выше, другой ниже, один плечистый, другой юркий.

А здесь-то? Кто прокачался больше по уровням, тот и победит.

— Сначала так и было, — согласился с ним Грэй. — Но потом «Халифат» стал единоличным владельцем «Арены» и навел порядок в этом вопросе. Бойцы, участвующие в схватках, всегда соответствуют друг другу, ну, более-менее. Уровни, комплекция, рост, оружие. Иначе не будет ставок, а без них «Арена» теряет свою привлекательность. Так что никто против даже очень раскочанного гнома не выпустит дылду вроде вашего негра. Какой смысл? Что до участников — на «Арену» может выйти любой житель или гость Нового Вавилона, при условии, что для него найдется подходящий противник. Больше скажу: у нас тут и турниры проводят — и еженедельные, и ежемесячные, с отборочными соревнованиями и плей-оффом. И призами!

— Да вы что? — заинтересовался я. — А что за призы?

— Ну, ежедневные, для лучших бойцов — попроще, — веско ответил Грэй. — Нож там, меч, иногда — незамысловатый огнестрел. А вот недельный или месячный приз — это да, это уже серьезное что-то. Вот скоро будет разыгрываться главный приз нынешних месячных соревнований — пулемет-спарка со стойкой и полным боекомплектом. Очень хорошая штука, а главное — дорогая.

— Спарка? — Вся эта затея, которая мне поначалу показалась баловством, обрела практический смысл. — Хороший приз.

— Не то слово, — подтвердил Грэй, видимо, сам завзятый болельщик. — Сколько народу уже погибло из-за него.

— Почему погибло? — не поняла Милена.

— Так бои всегда идут до смерти, — пояснил ей Грэй. — Здесь ничьей не бывает, и пальцы вверх никто не поднимает. Выходят на арену двое, а уходит только один.

Ну да, иначе неинтересно будет. Но спарка! Надо с Оружейником поговорить будет, он наверняка уже все разведет.

— Ладно, — тряхнул головой Грэй. — Отвлекли вы меня. Итак, убивать нельзя. Воровать тоже нельзя, за это на «Арену» не посылают, но наказание тоже очень жесткое, за это кидают в каменный мешок, срок определяется стоимостью украденного. Это тебе не янтарь беспамятный, это крепостные подземелья, там очень неприятно находиться. Холода здесь, как вы знаете, никто не ощущает, колотун не бьет, но все равно — две недели в темноте в компании с крысами не каждый выдержит.

Что еще? Нельзя вести открытую уличную религиозную пропаганду любых конфессий, нельзя разжигать межнациональную рознь в любых проявлениях, нельзя похищать или силой удерживать других людей, нельзя заниматься любой торговлей любым товаром без соответствующего разрешения Совета Восьмерых, этот вопрос полностью в их компетенции. Да, автоматы оставьте здесь или сдайте в камеру хранения, за соответствующую плату. Тарифа там нет, как договоритесь. Ношение пистолетов и ножей на улицах города разрешено, автоматов и другого длинноствольного оружия — запрещено. Были, знаете ли, поначалу прецеденты. По сути — все, остальное в городе поймете. И вот еще что. Бывает такое, что люди напакосят и умудряются улизнуть, еще не все у нас тут отработано, не все схвачено, на это ведь нужно время. Но тайное всегда становится явным, и в город эти люди больше никогда не зайдут. А если и зайдут, то из него не выйдут, помните об этом. И добро пожаловать в Новый Вавилон, столицу нового мира!

— Спасибо, — вежливо ответила Фрэн, похоже впечатленная услышанным.

— Один вопрос, — остановил я Грэя, который явно собрался уходить. — Точнее, несколько.

— Слушаю, — посмотрел на меня тот.

— Наши лодки. — Я обвел рукой плавсредства. — Они могут оставаться здесь? И должны ли мы что-то платить за место, которое они занимают? И еще — их сохранность. Не упрут их отсюда? Не хочу вас обидеть, но...

— Все нормально, правильные вопросы, — безмятежно ответил Грэй. — До пяти дней могут стоять тут, если до того не покинете город — найдите меня, проговорим, как быть дальше. Платить за это не надо, пока деньги за подобное не взимаются. Открытая позиция, знаете ли. Да и как ее брать, оплату, единого эквивалента-то нет? Вон, в камере хранения чем только за свои услуги не берут — патронами, конденсаторами, даже репой. Но они себе это могут позволить, они частная лавочка, у них склады в «Латинском квартале» есть, а нам где все это хранить? Они-то не относятся к городским службам, в отличие от нас.

«Латинский квартал»? Очень интересно, как остальные семь... эмм... Даже не знаю... Районов? В общем, как остальное называется?

— Странно. — Голд почесал подбородок. — Город большой, по виду — средневековый, шпиль ратуши я заметил с воды, и, по слухам, вы тут много чего нашли. Тут ведь и сокровищница должна находиться или что-то в этом роде.

— Есть такая, — без тени подозрительности ответил ему Грэй. — Ее одну из первых обшарили. Только вот там пусто было. Ни золота, ни монет, ни кубков с камушками. Ни-чего. Все в городе обнаружилось — оружие, продукты, одежда разная, а золота нет. Так вот и живем пока натуральным обменом, но это до поры до времени, рано или поздно что-нибудь придумаем. Что до сохранности имущества — даже не переживайте, чего-чего, а лодки ваши не тронут. Еще вопросы есть?

— Куда идти? В смысле — вход в город где? — Я показал пальцем на большое строение, похожее на арку, в которую входили и выходили люди. — Там?

— Там, — подтвердил Грэй и заторопился. — Ну все, бывайте. Если что — я тут с девяти утра до семи вечера.

— Храни тебя господь, — напутствовала его Марика, на что Грэй, обернувшись, погрозил ей пальцем.

— У тебя мозги есть? — подала голос Настя.

— А что такого? — насупилась Марика. — Что я сказала-то? Стас?

— Религиозная пропаганда христианства, — ответил ей я. — Скорее всего, они опасаются, что вслед за укреплением той или иной конфессии может начаться свара на этой почве. Религиозных войн в истории *старой Земли* было как бы не больше, чем обычных, захватнических. И вообще, прищечи тут свой язычок, хорошо? Не время и не место для колкостей и шуточек. Если очень нейдет, то можешь подергать Павлика за уши.

— Это неинтересно. — Марика вздохнула. — Это я уже делала.

— Я сказал — ты услышала, — бросил я. — Тут мы не дома. Даже странно, что именно тебе мне приходится объяснять прописные истины. Сразу предупреждаю — если будешь шалить, то сядешь под замок в том доме, который для себя снял Оружейник.

— А он снял для себя дом? — заинтересовался Ювелир.

— Наверняка, — усмехнулся я. — Или ты думаешь, что наш Лев Антонович на улице спать будет?

Про жилищные условия я у Шура не спросил, забыл, но, зная Оружейника, можно было не сомневаться, что дела обстоят именно так.

— И вообще, сказанное Марике всех касается. — Я обвел глазами своих людей. — Вести себя надлежащим образом, понятно? Нам проблемы не нужны, нам с ними сотрудничать, надеюсь, долго и плодотворно. У них тут вон, спарки есть, а я за спарку... Ну, не удавлюсь, но готов на многое.

— Злой ты стал, Стас, — загрустила Марика. — И корыстолюбивый. Хотя ты и раньше жадноват был.

— Просто тогда это не так в глаза бросалось, — кивнул я.

— Правильно Сват все говорит, — поджала губы Настя, и Фрэн согласно кивнула. — Ты, Мар, в любой бочке затычка. Сват, оставь ее здесь, от греха.

— Фу-фу-фу! — Марика тоже покинула лодку. — Какие грязные мыслишки! Такая маленькая — и такая злая.

— Цыц обе! — рывкнул я на спорщиц, а после оглядел своих людей, которые один за другим сходили на сушу и с удовольствием разминали ноги. — Так. Мачту убрать, плавсредства привязать, автоматы — на плот. Не хочу я их никому сдавать на ответственное хранение, так что здесь будет сменный пост. Первыми дежурят Флай и Амиго. Флай — старший. Не спать, понятно? Вечером сменим, если сегодня груз к Оружейнику не перетащим. А может, на все время пребывания тут пост будет, не ровен час угонят лодки, как домой добираться будем? Грэй этот, конечно, меня почти убедил, что тут не воруют, но... Верю-верю всякому зверю, а ему, ежу, — попожу.

— Правильно, — одобрил Одессит. — Ну да, этот франт сказал, мол, не волнуйтесь, но мало ли... Так он и потом руками разведет, да еще и проямлит что-то вроде: «Все бывает в первый раз». Но нам-то от этого легче не станет.

— Подальше положишь — поближе возьмешь, — попытожила Фира.

Оружие составили в пирамидки, около которых разместились крайне недовольные моим решением бойцы. Их можно было понять: всем хочется глянуть на город, но я ведь не могу вместо уже обстрелянных людей оставить тут кого-то из «волчат» или, того хлеще, назначить следить за имуществом девушек. Ну и потом — мы сюда не на один день приехали, так что все успеют увидеть и потрогать. Хотя нет, луч-

ше только увидеть. А ну как за «потрогать» платить придется?

— Веди, — сказал я Шуру, когда здесь мы с делами разобрались.

— Кабы знать куда, — почесал затылок тот. — Мы в прошлый раз не на этой пристани были, а на внешней.

— Это твои проблемы, — мягко сказала Настя. — Ты всю дорогу как комар над ухом звенел о том, что тут все знаешь, — вот и давай, доставь нас к Оружейнику.

— Нам туда. — Шур ткнул пальцем в сторону арки, про которую чуть раньше я спрашивал у Грэя.

— Кто бы мог подумать? — покачал головой Одессит. — В жизни бы не догадался.

К моему великому удивлению, это оказалось не здание вокзального типа, чего я от него, признаться, ожидал. Это была именно арка с небольшим тоннельчиком внутри, выводящая на не слишком широкую улочку с булыжной мостовой.

— Похоже на Барселону, — заметила Фрэн.

— Или на Прагу, — усмехнулась Марика. — Или на Краков. Проще говоря, на любой старый город, построенный в Средневековье. Готический стиль. Кстати, мне он всегда нравился, хоть какая-то стабильность.

Улочка была не очень людной, причем во всех смыслах. То есть и прохожих встретилось не так уж много, да и не все из них оказались людьми. Мы увидели гнома, потом мимо прошел некто с синей кожей и тремя руками. Окончательно нас добил восьминогий паук с человеческим лицом.

— Кунсткамера, — пробормотал Стакс, «волчонок» из перспективных, которого мне буквально навязал Жека. Подозреваю, что он дал ему задание прикрывать, если что, Марику. Не думаю, что парня это порадовало, но в город съездить хотелось всем, и по этой причине он согласился. На ночевках он пару раз описывал вокруг меня круги, хотел о чем-то поговорить, но стеснялся. Думаю, как раз об этом.

— Не тараштесь вы так на них, — попросила ребят Милена. — Неудобно же!

— Легко тебе говорить! — Ранго, один из «волков», проводил взглядом стройную девушку с огромной грудью. — А нам каково, представь, когда тут такое!

Не знаю, до чего бы мы договорились, но тут улица кончилась, перейдя в огромную площадь, на которой яблоку негде

было упасть из-за толп людей, нагромождения лотков, павильонов, лавок и всего такого прочего. В ее центре, далеко от нас, был выстроен огромный помост, на котором стояли люди, чуть левее виднелось красивое здание в восточном стиле. Шум, который мы слышали, еще когда шли улице, превратился в многоголосый гул, носа коснулась сложная гамма запахов, в которой смешались восточные специи, благовония, дым от десятков и сотен мангалов и кухонь и даже вроде пот, которому здесь и взяться-то неоткуда.

Откуда столько людей? Их же здесь... Тысячи!

— Восточная оконечность рынка! — обрадованно заорал Щур. — Я знаю, куда дальше идти.

Он шустро припустил по краю площади, мы поспешили за ним.

Не знаю, какова протяженность этого рынка и откуда здесь взялось столько покупателей и продавцов, но мы и половины его по окружности не обошли, хотя двигались быстро и долго.

Щур вертел головой, высматривая одному ему известные приметы, но тщетно. В результате не он нас вывел куда надо, отличилась Фира.

— Тор! — пронзительно взвизгнула она и замахала рукой. — То-о-ор!

Как она углядела вечно спокойного скандинава в толпе, мне неизвестно, но углядела.

— Сват, — сказал, протянув мне руку, он, — рад, что приехали наконец. Мне что-то беспокожно стало, Оружейник слишком разошелся.

Столько слов от него я не ожидал услышать. А сам факт того, что его что-то беспокоит, и вовсе заставил меня нервничать.

— Где он? — пожимая ему руку, спросил я.

— Там. — Тор ткнул пальцем в здание, вызывающее ассоциации со сказками «Тысячи и одной ночи». — Это представительство «Халифата». Рынок — их территория. Не весь, понятное дело, но их слово тут в большинстве случаев решающее. Проводить?

«Халифат». Стало быть, второй из восьми. Ничего плохого сказать не хочу, но тех ли партнеров Оружейник выбрал? Хм, а Рувим — это не восточное имя.

Ладно, разберемся.

— Веди, — сказал я Тору и последовал за ним.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	199
<i>Эпilog</i>	373